

Предполагать в Феодоре на печати новгородского епископа 1069—1077 гг. Феодора, современника новгородского князя Глеба Святославича, нет никаких оснований, так как такое предположение ввело бы в весьма ограниченный круг возможных владельцев булл XI в. предполагаемого советника епископа — лицо слишком незначительное, а право буллы, как мы уже видели, составляло одну из регалий самой высшей светской и церковной власти.

В обстоятельствах княжения Мстислава-Феодора Владимировича и следует искать решение поставленной проблемы о месте загадочного Евстафия в системе новгородской администрации рубежа XI и XII в. Наиболее значительных новгородских современников Мстислава, таких, какие могли бы выступать в качестве возможных владельцев буллы Евстафия, как уже отмечено, нельзя искать среди представителей высшего духовенства. На новгородской кафедре при Мстиславе сменились епископы Герман (1078—1095 гг.), Никита (1096—1109 гг.), Иоанн (1110—1130 гг.). Ни одно из названных здесь имен не соответствует имени владельца буллы. Следовательно, само соединение на печати имен Феодора и Евстафия должно свидетельствовать о существовании в Новгороде конца XI — начала XII в. еще одного института власти, пользовавшегося правом утверждения актов.

Таким политическим институтом могло быть только посадничество, которое именно при Мстиславе Владимировиче впервые приобретает новые формы, легшие затем в основу структуры республиканских органов новгородской государственности²¹. Имеется принципиальная разница между древнейшими посадниками Новгорода X—XI вв., присылавшимися из Киева в те периоды, когда на новгородском столе не было князя, и образовавшимся в конце XI в. новым институтом посадничества, который существовал рядом с новгородским князем и был средством участия в государственном управлении новгородского боярства.

Как мы пытались показать в другой своей работе, возникновение этого нового политического института с наибольшей долей вероятности связывается с событиями 1088—1089 гг., когда вокняжение на новгородском столе двенадцатилетнего Мстислава сопровождалось заключением каких-то условий между Новго-

родом и киевским князем Всеволодом Ярославичем. Существование таких условий, определивших степень участия новгородцев в государственном управлении, проявляется затем неоднократно в событиях последующего княжения Мстислава и его сына Всеволода. Анализ древнейших имен списка новгородских посадников, сохранившегося в редакции начала XV в., дает возможность утверждать, что эти имена первых руководителей республиканской политики Новгорода принадлежали современникам Мстислава-Феодора Владимировича²².

Среди этих имен, изложенных в списке в хронологическом порядке, — а таких имен там названо восемь: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, — и скрывается имя Евстафия, владельца анализируемых булл. Вполне очевидно, что имя Евстафия может быть отождествлено лишь с одним из тех имен приведенного списка, которые выражены в языческой, а не в христианской форме, т. е. с Завидом, Миронегом или Улебом. Ни Петрята, ни Костянтин, ни Сава, ни Гюрята, ни Микула не могли называться Евстафием, поскольку приведенные имена являются лишь бытовым вариантом канонических крестильных имен Петр, Константин, Сава, Георгий и Николай.

Отыскивая между посадниками Завидом, Миронегом и Улебом наиболее вероятного владельца булл протопроедра Евстафия, мы, по-видимому, должны обратить особое внимание на то обстоятельство, что русская сфрагистика не знает каких-либо других печатей, кроме булл Евстафия, которые могли бы быть связаны с посадничеством времени Мстислава Владимировича. Не существует булл Петра, Константина, Саввы, Георгия или Николая. Если правильны наши предположения о связи печатей протопроедра Евстафия с институтом раннего новгородского посадничества, то мы имеем право утверждать, что лишь один из посадников времени Мстислава пользовался буллой, причем в высшей степени интенсивно. В свете этих наблюдений рассмотрим некоторые детали княжения Мстислава в Новгороде.

В момент первого вокняжения Мстислава и заключения ряда с Всеволодом, конституировавшего возникновение в Новгороде новых форм политической власти, Мстиславу Владимировичу было двенадцать лет. Такой возраст несовместим с представлением о том, что Мстислав мог быть самостоятельным представителем киевского князя с самого начала своего нов-

²¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 54—62 (раздел «Время Мстислава Владимировича и первые преобразования в новгородском посадничестве»).

²² В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 54—62.